

ЭТИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТУАЛИЗМ И УНИВЕРСАЛИЗМ О. Г. ДРОБНИЦКОГО

*Курхинен Павел**

Кафедра социальной и моральной философии, Университет
Хельсинки, 4 Yliopistonkatu, 00014, Хельсинки, Финляндия

Электронный адрес: pavel.kurhinen@elisanet.fi

Статья подана 12.04.2014

Аннотация — Согласно О. Г. Дробницкому, нравственность возникла не с началом выхода из животного состояния, а лишь на определенном этапе истории социализации человека вместе с появлением общественных различий внутри племени, которые требовали нравственного регулирования. В такой трактовке понимание морали связывалось с действиями универсальных норм в регуляции поведения, поэтому она рассматривалась как более позднее явление в истории человечества. «Этический концептуализм» был разработан как альтернативная нейтральная теория в отношении моральной философии в СССР. Среди нормативных предписаний, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни, Дробницкий выделял институциональные нормы, к ним относятся право, разного рода административные предписания, уставы и пр. Они диктуют правила поведения в тех или иных организациях и сообществах. Институциональные нормы предполагают наличие субъекта — органа, который их задает, и объекта — тех, кому эти нормы предписаны. Все люди — объекты этих норм. Дробницкий предложил один из вариантов описания моральной оценки, в частности, определил ее как бы исходящей от всего человечества в целом.

Ключевые слова: О. Г. Дробницкий, кантианская этика, проблема сущего и должного, уничтожение отчуждения, этика и нравственность, институциональные и регулятивные нормы, целеполагание, универсальность и концептуализм.

* © *Курхинен П.*, магистрант кафедры социальной и моральной философии, Университет Хельсинки.

O. G. DROBNICKI'S ETHICAL CONCEPTUALISM AND UNIVERSALISM

*Kurhinen Pavel**

Department of Social and Moral Philosophy, University of Helsinki, 4
Yliopistonkatu, 00014, Helsinki, Finland

e-mail: pavel.kurhinen@elisanet.fi

Received April 12, 2014

Abstract — According to Drobnicki morality did not come from the beginning of the life, but only appeared at a certain stage in the history of human socialization, together with the formation of social differences within the tribe, that demanded moral regulation. In this sense, an understanding of morality is related to the actions of universal norms. Drobnicki's «ethical conceptualism» was developed to be more neutral with respect to official moral philosophy prevailed in the USSR. Drobnicki stated that above all regulatory requirements are institutional norms, which include the law, various administrative regulations, statutes, etc. They dictate rules of behavior in different organizations and communities. Institutional rules presuppose a subject — the body that sets them, and an object — those whom these rules are prescribed for. In fact, we all are objects of these regulations. Drobnicki stressed that as a formal criterion this principle allows only to distinguish moral judgments from nonmoral. However, the principle of universality acts also as a substantive requirement to people: how to express requirements and how to evaluate the actions of people. In a strictly logical sense, in terms of the concept of morality, the principle of universality is not formal. Moreover, due to a form of perception and attitude towards reality morality could become one of the original ways of thinking about the history of human.

Keywords: Drobnicki, Kantian ethics, is-ought problem, prescriptive ethics, abolition of alienation, ethics and morality, institutional and regulative norms, teleology, universality and conceptualism.

* © *Kurhinen P.*, Master's student, Department of Social and Moral Philosophy, University of Helsinki.

На заседании клуба «Свободное слово» Р. Г. Апресян отметил: «О. Г. Дробницкий остается именно *теоретиком морали*, причем образцовым теоретиком, предложившим такой пример теоретической строгости и концептуальной последовательности, который по-прежнему остается недостижимым» (Апресян 2006).

Этический концептуализм, создание которого приписывается именно О. Г. Дробницкому, по сути, изучал разные типы морали и этики в истории философии, не подвергая, однако, их моральной оценке, не вдаваясь в морализм, характерный для многих марксистско-ленинских философов. Конечно, философия Дробницкого еще связана с созданием концепта прескриптивной, или предписывающей, функциональной философии, но к ней стремились фактически все советские философы.

Дробницкий, анализируя этическое учение Канта, замечает, что «как сознательная личность, человек способен... на осмысление проблематического, альтернативно-противоречивого характера общественных условий его бытия, на переосмысление своего личного предшествующего опыта... с точки зрения тех проблем, задач, запросов и требований, которые предъявляет к нему открывшаяся перед ним социально-историческая ситуация. Такая внутренняя перестройка и свободно-субъективное отношение к своему "внутреннему" опыту возможны, по-видимому, лишь на основе овладения опытом более широким, нежели личный и частный, на основе общественно-исторического самосознания личности» (Дробницкий 1974: 124).

Решение конфликта между *должным* и *сущим*, абстрактными моральными принципами и конкретными эгоистическими интересами, который в проекции на действующего индивида выражается в альтернативе между долгом и склонностями (разумом и чувствами, альтруизмом намерений и эгоизмом мотивов), состоит в устранении социального отчуждения, отношений господства и подчинения, т. е. той общественной основы, которая неизбежно порождает и постоянно воспроизводит этот конфликт. Оно состоит в действительном, предметном (а не духовно-сублимированном) революционизировании человека и общества, в реально-гуманистическом, т. е. коммунистическом преобразовании общественных отношений, когда развитие одного осуществляется не за счет другого, а вместе с другим и через другого. Поскольку реальным нравам противостоит абстрактно-всеобщее моральное сознание, над сущим возвышается должное, гармонического синтеза между ними быть не может, и в этом смысле альтернативы домарксовской этики, когда в одном случае живой эгоистический индивид приносился в жертву абстрактному принципу, а в другом — сам абстрактный принцип отбрасывался в пользу живого эгоистического индивида, точно (хотя и под разными углами зрения) отражали нравственные возможности и деформации классового общества. Решение может состоять только в изменении самой структуры морали, в снятии ее перевернутости и раздвоенности. «...Общественное сознание всех веков, несмотря на все разнообразие и все различия, движется в определенных общих формах, в формах сознания, которые вполне исчезнут лишь с окончательным исчезновением противоположности классов» (Маркс и Энгельс 1955: 445–446). Суть марксистской этики можно понять только в свете этой исторической перспективы — перспективы преодоления морали в том ее содержании и, что особенно важно, в той ее форме, которую она имела в эксплуататорском обществе.

«Поскольку в марксистской философии отрицались абсолютность морали, вечность и неизменность нравственных

норм и ценностей и они рассматривались как элемент более сложной системы общественно-исторических отношений, постольку одним из существенных был вопрос о происхождении нравственности. При решении этой проблемы в советской этике сложились, в основном, две точки зрения, различия между которыми обусловлены методологическими позициями исследователей, прежде всего по поводу специфики морали. Одни авторы (А. Ф. Шишкин, В. Г. Иванов, Н. В. Рыбакова, Ю. И. Семенов и др.) предполагали, что мораль возникла вместе с первыми коллективными трудовыми действиями, обеспечивая их регулирование. При таком подходе существовала опасность «потери» специфики нравственности, поскольку при анализе первобытных обществ она, с одной стороны, представлялась как бы продолжением естественных, «животных» форм поведения, с другой — оказывалась трудноотличимой от других форм социального регулирования. Другие авторы (О. Г. Дробницкий, А. А. Гусейнов и др.) полагали, что нравственность возникла не с началом выхода из животного состояния, а лишь на определенном этапе истории социализации человека, вместе с появлением общественных различий внутри племени, которые требовали нравственного регулирования. В такой трактовке понимание морали связывалось с действиями универсальных норм в регуляции поведения, поэтому она рассматривалась как более позднее явление в истории человечества. При такой интерпретации в тени оставались иные, более простые, первоначальные способы моральной императивности и ценностной регуляции поведения» (Бондаренко и Перов 2012: 62).

Исследователи этического учения Канта указывают, что в нем имеет место неправомерное смешение теоретико-методологических или метаэтических принципов анализа нравственного сознания с непосредственным содержанием нравственных проблем, с основоположениями самой морали. Это обстоятельство в значительной степени усилило негативные черты кантовской этики, ее формализм, абстрактность, ригоризм и т. п. (О. Г. Дробницкий, Г. И. Гумницкий, Л. А. Калинин-

ков и др.). Вместе с тем названные исследователи отмечают несомненную заслугу Канта в разработке понятийного аппарата этики как науки. Одним из первых в истории философии Кант не только очистил этику от влияния натуралистических и религиозно-теологических воззрений на человека, но и вскрыл особую, относительно самостоятельную сферу нравственных, ценностных или смысложизненных вопросов (В. А. Малахов, В. Г. Табачковский). В категорическом императиве Кант зафиксировал некоторые закономерности взаимоотношений между людьми, в основе которых лежит центральная проблема этики — соотношение личного и общего блага, отношение личности к общественной реальности, к происходящему в истории, а в понятиях долга и личности как цели самой по себе он возвысил человека как существо, способное подняться над индивидуальными интересами и чувственными склонностями, и провозгласил идею равенства людей независимо от каких-либо сословных и классовых ограничений и привилегий (В. Ф. Асмус, О. Г. Дробницкий, Г. Н. Гумницкий, А. А. Пионтковский, Э. Ю. Соловьев, Н. И. Шашков) (Гринишин и Жучков 1978).

«Этический концептуализм», на наш взгляд, был разработан, вернее, использован в качестве более нейтральной концепции по сравнению с общепринятой концепцией моральной философии в СССР. На него давили, с одной стороны, партия со своим идеологическим заказом и «конструктивизмом», со своей моралистической философией, а с другой — истинные философские искания. Поэтому термин, которым называли философию Дробницкого, вполне можно назвать объективным, поскольку он изучал мораль, схватывал некоторые этические доктрины, понимая, что объективно мы не можем понять до конца, что есть нравственность и мораль, и надо помнить, что он сам разделял эти два понятия. Конечно, вероятно, и Дробницкого можно назвать в некоторой степени моралистом и конструктивистом, так как он пытался обосновывать истинность и правомочность социалистического строя, но все же те методы, которые он использовал, нельзя

назвать догматической философией. Да и в том, что его философию называют конструктивистской и что она якобы создавала на заказ для советского государства новые этические системы, нет ничего плохого. Советская философия в основном была социальной философией, и главная идея марксизма заключалась в том, чтобы претворить теорию в практику, конечной целью которой объявлялось построение совсем не материалистического, а идеалистического общества, формирование идеального нового советского человека не в философском, а в обыденном его понимании. Осмыслением этих задач и была занята советская философия.

Надо помнить, что во все времена философы или приспосабливались к социальной и политической действительности своего времени, или платили жизнью за свои радикальные взгляды, и даже сам Фома Аквинский, не ставя себе такой цели, заложил начала математического естествознания, хотя прежде его интересовало использование аристотелевских силлогизмов для доказательства существования Бога. Дробницкий тоже пытался, искренне, философскими методами оправдать существование тогдашнего строя, правда, оправдывать то, что уже предзадано и не подлежит критике, философски является невозможным и абсурдным. По сути, пытаясь, по нашему мнению, оправдать марксистскую философию, утверждавшую классовый характер морали, Дробницкий привнес в нее кантовскую этику с ее категорическим императивом, что уже противоречит доктрине «левого крыла» ортодоксальной марксистской философии. Попытки объединить Канта и Маркса ранее имели место в среде этических социалистов. Единственное, что они хотели убрать из философии Маркса, так это гегелевский историзм, в котором история являлась неизбежной необходимостью, и оставить его экономическую теорию, которая вместе с категорическим императивом могла послужить основой для нового социалистического строя. У Гегеля личность пропадает в проекте истории, террор оправдан ради исторических целей, этические же социалисты были против радикальных революций, за

что их и обвиняли в пустословии, утопизме и историческом бездействии.

Обычно мы называем *сущим* все то, что можно эмпирически наблюдать в существующем мире. Если бытие — это сущее, которое эмпирически наличествует в мире, тогда *что именно* заставляет людей отличать сущее от должного? Почему возникает раскол между сущим и должным? Почему, живя в обществе, мы можем критически к нему относиться? Попробуйте на языке позитивистов объяснить, почему человек находится в конфронтации с наличной действительностью, с сущим?

Из конфликта между сущим и должным вырастает вся проблематика морали. Мораль здесь является одной из форм нормативной регуляции человеческого поведения, человеческой деятельности. Таких регулятивов великое множество. Их простое перечисление образовало бы бесконечный ряд. Нормативные предписания, которыми руководствуются люди в своей повседневной жизни, Дробницкий делит на две части. Это прежде всего *институциональные нормы* — к ним относится право, разного рода административные предписания, уставы и пр. Все они диктуют нам правила поведения в тех или иных организациях и сообществах. Институциональные нормы предполагают наличие субъекта — органа, который их задает, и объекта — тех, кому эти нормы предписаны. Все мы объекты этих норм. Сами же эти нормы предполагают наличие механизмов предписания, систем наказания и пр. Но есть и не институциональные нормы, когда нельзя выделить конкретного субъекта в виде органа или института, который нам их предписывает. Эти нормы включают в себя в первую очередь обычаи, под которыми понимаются разного рода традиции, ритуалы, обряды и пр. Но они же включают в себя и моральные предписания. Весь анализ Дробницкого строится на том, чтобы показать, как из *обычаев, где нет различения между сущим и должным*, возникает мораль. Обычаи — это правила, которыми руководствуются в своих поступках люди на основании того, что так поступают *все* — мой народ, моя общность, мой коллектив.

Тем не менее сам выбор общего принципа, которым человек будет руководствоваться, все равно представляет собой чисто волевой акт, исключая рациональное решение. Будучи существом конечным, человек не способен предусмотреть все неизмеримое богатство реальных возможностей, и в этом случае принятие этики универсализма может означать просто своеобразный акт капитуляции, коль скоро разумные аргументы здесь бесполезны. Однако осуществление устойчивых постоянных связей, признание и совместная реализация общих ценностей, за которые ратует универсализм, возможны и на другом пути.

Обратимся вновь к Канту. Признавая неустранимую «пропасть», которая лежит между природой и свободой, Кант считал, что принцип целесообразности природы и есть тот «мост», по которому мы способны ее перейти. Кантовская телеология интересна для нас с точки зрения дефиниции, данной им в «Критике способности суждения»: «Способность суждения вообще есть способность мыслить особенное как подчиненное общему. Если дано общее (правило, принцип, закон), то способность суждения, которая подводит под него особенное... есть определяющая способность. Но если дано только особенное, для которого надо найти общее, то способность суждения есть чисто рефлектирующая способность» (Кант 1966: 177–178). Поэтому, невзирая на разницу в идеологических и прочих воззрениях, люди способны действовать в одном направлении, ибо они обладают способностью суждения, позволяющей им видеть общее, а не только особенное. С позиции универсализма ответ Канта на вопрос о том, что является конечной, самой общей целью, несомненно, приемлем: мы имеем достаточное основание рассматривать человека не только как цель природы, подобно всем организмам, но здесь, на Земле, также как последнюю цель природы, по отношению к которой все остальные цели в природе составляют систему целей. Но нужен ли тогда универсализм как некое нетривиальное учение, говоря другими словами, возможен ли он теоретически?

Принцип универсализма рассматривался рядом философов XX в. (Ч. Стивенсон, Р. Хэар, О. Г. Дробницкий) в качестве одного из основополагающих критериев морали. Суждение нормативной мысли можно представить следующим образом: от «Я поступаю одинаково в отношении различных людей в одинаковой ситуации» к «Я поступаю одинаково в отношении одного и того же лица в разных ситуациях» и далее: «Я предполагаю, что любой другой на моем месте в отношении данного человека или в данной ситуации поступил бы так же, как я, равно и в отношении меня в данной ситуации поступили бы так же» (Апресян 2001).

В моральной философии Р. Хэара универсальность (наряду с прескриптивностью и приоритетностью) является существенным (критериальным) свойством моральных суждений и состоит в том, что они включают тождественные суждения обо всех случаях, тождественных в их универсальных качествах. Здесь по-своему обнаруживается золотое правило: из универсальности вытекает, что если я сейчас говорю, что я должен поступить определенным образом по отношению к определенному лицу, я обязан считать, что то же самое должно быть совершено в отношении меня, будь я точно в такой же ситуации, включая то, что я обладал бы теми же личностными качествами и теми же мотивами. Но наличные мотивы другого могут противоречить моим наличным мотивам; например, другой может очень не хотеть, чтобы ему сделали то, что я считаю, что я должен сделать ему. Но если я полностью представляю себе ситуацию другого, включая его мотивацию, я воспроизведу в себе соответствующую мотивацию, которая выразится в предписании, что то же самое не будет сделано мне, окажись я тотчас же в той же ситуации. Здесь возникает проблема противоречия между предпочтениями двух людей, включенных в ситуацию. Проблема усугубляется в том случае, если в ситуацию оказываются включенными не двое, а несколько, много человек. Как показал Дробницкий, Хэар выявил одну из существенных черт нравственных суждений — подчинение частных, ситуационных, личных

моральных долженствований каким-то единым критериям и законам.

Именно такое понимание всеобщности как общеадресованности всякого нравственного требования получило развитие у Канта: нравственный закон имеет силу для всех и безусловно необходим. У Канта моральная всеобщность во многом оказывается точкой зрения, а именно точкой зрения морального философа, для которого гипотетические случаи этически столь же актуальны, как и реальные; всеобщность морального закона — результат рассмотрения его только как предмета разума и, стало быть, как существующего *a priori*. Именно форма всеобщности (согласно первому принципу категорического императива) придает, по Канту, правилу характер закона.

Идея всеобщности моральных форм встречает критику как в рамках самой моральной философии, так и вне нее. В качестве образца критики внутри этики можно привести аргументы Гегеля, который указывал на то, что законодательные суждения, которым приписывается всеобщность, сформулированные как всеобщие, лишены в действительности всеобщего содержания. Критерий всеобщности, или всеобщего законодательства, делает невозможными максимы, соотносимые с действительным содержанием, т. е. с определенностью; таковы повеления типа «Всякий должен говорить правду» или «Возлюби ближнего своего», в которых нет никакого содержания, помимо чистого долженствования. Такого же рода трудности, связанные с применением принципа универсализуемости в конкретных ситуациях, выявляет и Р. Хэр в связи с различием мотивов и желаний, предпочтений. Ссылаясь на кантовское указание о противоречии в воле, Хэр подчеркивает, что это противоречие носит не только интерперсональный, но интраперсональный характер, если представить, что сталкиваются предпочтения одного и того же человека в одной ситуации. «Не соглашаясь с тезисом (Канта и Хэра) относительно того, что формальный принцип всеобщности может быть основанием для выбора или формули-

рования конкретных норм и максим поведения, Дробницкий подчеркивал, что как формальный критерий данный принцип позволяет лишь отличать моральные суждения от неморальных. Вместе с тем принцип всеобщности выступает и в качестве содержательного требования к людям: *как следует высказывать предписания и как оценивать поступки людей. В строго логическом смысле, с точки зрения понятия морали, принцип всеобщности отнюдь не формален. Более того, благодаря такой форме восприятия и отношения к действительности мораль смогла стать одним из первоначальных способов осмысления историчности человеческого и общественного бытия. Это объясняется Дробницким таким образом, что в ходе исторического развития происходил отбор предшествующего опыта, который закреплялся в абстрактных, освобожденных от исторической конкретики формах. Поэтому в антитезе «всеобщность — особенность» как тезис, так и антитезис одинаково подтверждаются нравственным опытом — в одном случае внешне-эмпирическим, этнографическим, в другом — «внутренним», интроспективным (курсив мой. — П. К.)» (Там же).*

Дробницкий в качестве одного из вариантов описания моральной оценки отграничил ее от реальных людей, обозначив ее безличный, универсальный характер, поскольку источником моральной оценки является человечество в целом (Дробницкий 1968: 34). Харчев и Яковлев, в свою очередь, раскритиковали Дробницкого за то, что тот, якобы ошибочно, идентифицировал «происхождение и содержание нравственного требования с формой его выражения и основывал его на ряде исторических типов морали», таким образом, преувеличивая универсальный, бесклассовый характер морального суждения. А в то время, как мы хорошо помним, классовое сознание было приоритетным понятием в советской философии. По сути то, что многие советские философы в 60–80-е годы вновь начали ставить акценты на универсализме и возвращении к Канту, а также на экзистенциальных моментах, при этом не противопоставляя универсализм марксистской

этике, а скорее дополняя ее этим, было весьма востребовано в то время как в советской философии, так и мировой, хотя все же было немало и сторонников чистоты марксистско-ленинской философии.

Литература

- Апресян, Р. Г. (2001). «Всеобщность» (статья в словаре). *Этика: Энциклопедический словарь*, под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова: 78–80. М.: Гардарики. 671 с.
- Апресян, Р. Г., Бакштановский, В. И., Кузьмина, Т. В., Лобастов, Г. В., Межуев, В. М., Толстых, В. И. (2006). «Мораль и общество. Олег Дробницкий в истории современной этики». *Заседание клуба «Свободное слово»*. 26 апреля 2006 г. URL: http://iph.ras.ru/uplfile/ethics/biblio/drobn_svob_sl.html.
- Бондаренко, Л. И., Перов, В. Ю. (2012). «Теоретическая этика в СССР (1960–1980-е гг.)». *Дискурсы этики* 1(1): 54–82.
- Гринишин, Д. М., Жучков, В. А. (1978). «Советское Кантоведение сегодня: Итоги, проблемы, перспективы». В кн.: *Вопросы теоретического наследия Иммануила Канта*. Выпуск 3. Под ред. Д. М. Гринишина: 3–14. Калининград: Калининградский государственный университет. 160 с.
- Дробницкий, О. Г. (1968). «Природа морального сознания». *Вопросы философии* 2: 26–38.
- Дробницкий, О. Г. (1974). «Теоретические основы этики Канта». В кн.: *Философия Канта и современность*. Под ред. Т. И. Ойзермана: 103–152. М.: Мысль. 469 с.
- Кант, И. (1966). *Критика способности суждения*. В кн.: Кант, И. *Сочинения в б т.*, т. 5. М.: Мысль. 564 с.
- Маркс, К., Энгельс, Ф. (1955). *Манифест Коммунистической партии*. В Маркс, К., Энгельс, Ф. *Сочинения в 50 т.*, т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы. 616 с.
- Харчев, А. Г., Яковлев, Б. Д. (1972). *Очерки истории марксистско-ленинской этики в СССР*. Л.: Наука. 218 с.

References

- Apresyan, R. G. (2001). "Vseobshchnost'" (stat'ya v slovare) ["Universality" (article in the encyclopedia)]. *Etika: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Ethics: encyclopedia]. Ed.: R. G. Apresyan and A. A. Guseynov: 78–80. Moscow: Gardariki Publ., 671 p.
- Apresyan, R. G., Bakshantovskiy, V. I., Kuz'mina, T. V., Lobastov, G. V., Mezhuiev, V. M., Tolstykh, V. I. (2006). "Moral'i obshchestvo. Oleg Drobnitskiy v istorii sovremennoy etiki" [Morality and Society. Oleg Drobnitskiy in the history of modern ethics]. *Zasedanie kluba "Svobodnoe slovo"* [Transcript of the meeting of the club «Free Speech»]. April 26, 2006. URL: http://iph.ras.ru/upfile/ethics/biblio/drobn_svob_sl.html.
- Bondarenko, L. I., Perov, V. Yu. (2012). "Teoreticheskaya etika v SSSR (1960–1980-e gg.)" [Ethical thought in the USSR (in 1960–1980-s)]. *Diskursy etiki — Discourses of Ethics* 1(1): 54–82.
- Drobnitskiy, O. G. (1968). "Priroda moral'nogo soznaniya" [The nature of moral consciousness]. *Voprosy filosofii — Problems of Philosophy* 2: 26–38.
- Drobnitskiy, O. G. (1974). "Teoreticheskie osnovy etiki Kanta" [Theoretical grounds of Kant's ethics]. In: *Filosofiya Kanta i sovremennost'* [Philosophy of Kant and modernity]. Ed.: T. I. Oyzerman: 103–152. Moscow: Mysl' Publ., 469 p.
- Grinishin, D. M., Zhuchkov, V. A. (1978). "Sovetskoe Kantovedenie segodnya: Itogi, problemy, perspektivy" [Soviet Kant studies today: Results, problems and prospects]. In: *Voprosy teoreticheskogo naslediya Immanuila Kanta* [Questions of the theoretical heritage of Immanuel Kant]. Vol. 3. Ed.: D. M. Grinishin: 3–14. Kaliningrad: Kaliningradskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 160 p.
- Kant, I. (1966). *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgment]. In: Kant, I. *Sochineniya v 6 t.* [Works in 6 volumes], vol. 5. Moscow: Mysl' Publ., 564 p.
- Kharchev, A. G., Yakovlev, B. D. (1972). *Ocherki istorii marksistsko-leninskoy etiki v SSSR* [Essays on the History of Marxist-Leninist ethics in the USSR]. Leningrad: Nauka Publ., 218 p.
- Marks, K., Engel's, F. (1955). *Manifest Kommunisticheskoy partii* [The Communist Manifesto]. In Marks, K., Engel's, F. *Sochineniya v 50 t.* [Works in 50 volumes], vol. 4. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury Publ., 616 p.